

**Janda Laura A. Back from the brink:
a study of how relic forms in languages serve as source material
for analogical studies.**

Munich: Lincomeuropa, 1996. 312 + viii p.

Тема монографии молодой американской исследовательницы Лауры Янды сформулирована броско: “Как находят сокровища семантики на морфологической свалке (morphological trash)”. Речь идет о редких и пережиточных граммеммах и категориях, непродуктивных грамматических способах, которые становятся источником аналогического распространения. В этом качестве рассмотрены: 1) окончания атематических глаголов в славянских языках, распространившиеся на глаголы с тематической гласной *-a-*; 2) окончания падежей из парадигмы **-и-* основ, распространившихся в тематическом склонении; 3) флексии двойственного числа (русс. *два дома, три дома, четыре дома*). Особенность всех трех случаев в том, что они претерпели редукцию либо в праславянском (атематические глаголы), либо на достаточно раннем этапе письменной истории славянских языков. Их вторичная экспансия произошла параллельно и независимо друг от друга в истории отдельных славянских языков.

В первой главе автор дает определение понятиям аналогии и языкового изменения. Здесь автор опирается на Г. Гентнера и Г. Хока [1; 2], которые рассматривают аналогичность в ряду прочих видов языковых отношений. Прочие виды отношений – аномалия (малое число языковых свойств и малое количество связывающих их отношений), простое подобие (теге *arreagance*: большое количество свойств и малое – отношений), абстракция (большое количество общих отношений, малое – общих свойств), полное сходство (большое количество атрибутов и отношений). В этом ряду аналогия выступает как отношение между единицами, подобными функционально, но не материально. Аналогия определяется как функциональное связывание, когнитивная способность, обусловленная нашим опытом. Она увеличивает количество отношений и способна также увеличить количество атрибутов, общих для изофункциональных лингвистических единиц. Поэтому аналогические изменения приводят к полному сходству этих единиц.

Автор со ссылкой на Гентнера отмечает, что речь у пятилетних детей гораздо больше подчинена аналогии, чем у девятилетних. (Отметим, что в отечественной лингвистике это положение

стало вполне тривиальным, начиная по крайней мере с классической книги А.Н. Гвоздева [3].) Когнитивный характер аналогии, по мнению автора, связан с тем, что использующий аналогичность осмысливает функциональное сходство различных по материальному наполнению лингвистических единиц. В ней выделяются процесс абдукции (собственно изменение по аналогии) и дедукции (превращение аналогии в правило).

Языковое же изменение тесно связано с общей когнитивной деятельностью человека. Так, конструкция, зафиксированная в 1398 г. в польском: *owiec zginęło wiele*, в XIV в. воспринималась следующим образом: *wiele* – аккузатив количества, *owiec* – не зависящий от него партитивный генитив; *zginęło* – безличная глагольная форма. Напротив, в современном польском языке *wiele* воспринимается как субъект, связанный с глаголом *zginęło* и управляющий генитивом *owiec*. Пытаясь построить когнитивную модель языковых изменений, автор исходит из того, что а) лингвистическая когниция не имеет принципиальных отличий от иных видов человеческой деятельности; б) ни один аспект языка не является полностью независимым от других; в) структура значения базируется на нашем физическом опыте; г) большинство значений центрируется вокруг определенных прототипов, так что одни оказываются в непосредственной близости от них, другие – на периферии; когнитивные категории могут соотноситься друг с другом по определенным когнитивным “смешениям” (*blend*), причем “общее смешение” (*generic blend*) – это процесс абдукции, который и приводит к изменениям по аналогии. Четыре первых положения традиционны для когнитивной лингвистики (см. отечественные обзоры: [4; 5]); последний же постулат содержит в себе заявку на построение когнитивной теории языковых изменений. В этой связи кратко затрагивается вопрос о соотношении порядка и хаоса в языке: они находятся в определенном равновесии, поэтому среди языковых изменений можно видеть и чисто стохастические, и телеологические, именуемые автором оппортунистическими. Переход *e > o* в русском – это пример оппортунистического языкового изменения: он ликвидирует слоговой сингармонизм и служит различению “твердого” и “мягкого” склонений